

ПРЕДИСЛОВИЕ

Евгений Алексеевич Преображенский относится к числу исторических деятелей, которым «не повезло». Незабываемый литературный образ таких, несправедливо обиженных неблагодарным человечеством, персонажей создал Лион Фейхтвангер в «Безобразной герцогине». Немало сыщется и подлинных, реальных персонажей в нашем недавнем прошлом. Лев Троцкий... В Гражданскую войну он возглавлял победоносную Красную армию, штыками которой практически из небытия была воссоздана в новом облике Великая Россия, но его имя до сих пор предают анафеме представители как «красного», так и «белого» сегментов российского политического спектра. Иосиф Сталин действительно «принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой», при нем наша страна достигла, пожалуй, наибольшего за всю свою историю влияния в мире, в буквальном смысле превратилась в надежду человечества, а его фигура вот уже полвека рисуется средствами массовой информации исключительно в черном цвете.

Но этих политиков хотя бы помнят. А Евгений Преображенский оказался полностью и несправедливо забытым. И сегодня у подавляющего большинства фамилия Преображенский ассоциируется исключительно с профессором Преображенским, персонажем булгаковского «Собачьего сердца».

Те же, кто знает, о ком идет речь, недоумевают: кому в эпоху «триумфа» либерализма в России нужна публикация трудов «теоретика троцкизма» (несмываемое клише, проставленное на Е.А. Преображенском его политическими оппонентами).

Кто же такой Евгений Алексеевич Преображенский, и почему сегодня актуальны его труды?

Биография Е.А. Преображенского (1886–1937) не выглядит тусклой даже на фоне судеб самых ярких звезд большевизма. В период революции 1905–1907 гг. он участвует в Декабрьском вооруженном восстании в Москве, входит в руководящее ядро уральских большевиков, неоднократно подвергается арестам; после поражения революции уходит в подполье, арестовывается, отбывает тюремные сроки, бежит из ссылки. В 1917 г. участвует в ключевых революционных форумах в Москве и на Урале, включая I Всероссийский съезд Советов и VI съезд Российской коммунистической партии (большевиков). В 1918 г. возглавляет уральскую областную большевистскую организацию. В 1919 г. Е.А. Преображенский сражается за советскую власть на юге и востоке страны и одновременно пишет (в соавторстве с Н. И. Бухариным) знаменитую «Азбуку коммунизма», по которой не только граждане Советской России и СССР, но и остального мира (работа была переведена на все основные языки) знакомилась с коммунистической доктриной в первое десятилетие советской власти. В 1920 г. Преображенский избирается одним из трех секретарей ЦК РКП(б), т.е. оказывается на самой вершине большевистского политического Олимпа. В первой половине 1920-х гг., входя в руководство левой («троцкистской») оппозиции, он пишет

ряд исследований, в которых предсказывает, вплоть до деталей и сроков, кризис нэповской экономики 1929 г. и намечает путь выхода из него (реально осуществившийся, хотя и в огрубленно-прямолинейном виде, на рельсах «сталинской индустриализации»). В те же годы публикует едва ли не единственную большевистскую работу, специально посвященную этической проблематике («О морали и классовых нормах»). В середине 1920-х гг. выпускает, пожалуй, самую фундаментальную в большевистском стане теоретическую работу, в которой дает новаторский анализ советской экономики и ее перспектив («Новая экономика»). В 1920–1930-е гг. разрабатывает «теорию падающей валюты» (так называется и книга, в которой он отображает модель функционирования рыночной экономики в условиях инфляции). В начале 1930-х гг. углубляет теоретический анализ цикла расширенного капиталистического воспроизводства, данный в «Капитале» К. Маркса. В 1937 г. Е.А. Преображенский – один из очень немногих, кто никого не предал под пытками в застенках НКВД.

Отвечая на первый вопрос – кто такой Е.А. Преображенский, – мы уже частично затронули и второй – зачем сегодня публиковать его труды? Их нужно издать хотя бы ради восстановления исторической справедливости.

Но это лишь одна сторона феномена «актуальности Преображенского». Другая грань – историко-познавательная. В лице Е.А. Преображенского перед нами предстает «идеальный большевик». Через его биографию и труды мы постигаем «людей особого склада, скроенных из особого материала» (выражение И.В. Сталина), которые, совершив Великую Октябрьскую социалистическую революцию, буквально «вздыбили» человечество, заставив его на протяжении 60 лет развиваться по новым, более справедливым законам. И сегодня, после исчезновения Советского Союза, всякий разумный человек видит, насколько бесчеловечнее стал мир в отсутствие этого «удерживающего» фактора. Преображенский – это и «идеальный большевик», и в его свободных от политической конъюнктуры трудах – большевистская революция «в химически чистом виде»: с ее достижениями и потерями, взлетами и падениями, правдой и ложью. И если вы хотите понять историю русской революции, а значит, и историю России первой трети XX в., а потому и всемирную историю этого периода, читайте Преображенского.

Но труды Е.А. Преображенского представляют не только академический интерес. Инфляционные процессы, когда и где бы они ни происходили – в «военно-коммунистической» или посткоммунистической России, в Веймарской республике или современной Аргентине, развиваются «по Преображенскому», т.е. по законам, открытым им в 1920-е гг. Руководство любой страны, ставящее перед собой цель вырвать ее из отсталости, добиться подлинного освобождения, и сегодня найдет рецепт этого рывка в «царство свободы» в трудах Е.А. Преображенского. И совсем не случайно перевод на испанский его «Новой экономики» вышел в 1960-е гг. на революционной Кубе. И как бы ни развенчивали сегодня наши доморощенные «либералы» плановую экономику, развитие современного сверхсложного мирового хозяйства тем не менее планируется. Непревзойденный же анализ механизмов обеспечения динамического равновесия хозяйственной системы мы находим у того же Е.А. Преображенского.

И последнее. Сегодня, в эпоху бесстыдного царствования культа «золотого тельца», всепроникающей (вот уж поистине «тоталитарной»!) пропаганды пошлости, низости и безнравственности, в нынешнее безблагодатное время предсказанного Джеком Лондоном триумфа всеокрушающей «железной пяты», уничтожающей в человеческой душе малейшие ростки духовности, тягу к идеальному, стремление к преображению земной жизни по лекалам небесной гармонии, обретаем мы – и в облике, и в трудах самого Евгения Алексеевича Преображенского, и в навек запечатленных им образах «старых большевиков», своей жертвенностью, бескорыстием, са-

моотречением напоминающих первых христиан, – надежду на высокое предназначение человека, веру в его лучшее будущее, любовь ко всем «униженным и оскорбленным».

«Попович»

Итак, Е.А. Преображенский¹ интересен для исследователя не только как персонаж начала XX в., но и как своего рода «идеальный тип» (а вернее, один из «подтипов») русского революционера.

Л. Хеймсон обоснованно выделяет три основных социальных источника формирования российской революционной интеллигенции: провинциальное служилое дворянство, «поповичей», нерусские (неправославные) национальные меньшинства. Причем, по его мнению, представители каждого из этих слоев наложили специфический отпечаток на облик той контрэлиты, которой суждено было в 1917 г. до основания потрясти здание российской государственности².

Евгений Преображенский – типичный «попович». Выходцы из этой среды (В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Б.И. Николаевский и др.) привнесли в среду революционной интеллигенции, по мнению того же Хеймсона: 1) острое ощущение чувства долга по отношению к народу; 2) пристальное внимание к морально-нравственным вопросам, вплоть до придания им квазирелигиозного качества (интенсивная разработка этой проблематики в рамках политических и социальных программ; стремление к последовательному личному воплощению норм революционной этики); 3) интеллектуальную потребность в поисках замены русской православной «космологии» (концепции вселенной – принципам и законам, которые ею управляют)³.

Исследование раннего периода жизни Е.А. Преображенского, времени формирования его как революционера из «поповичей», представляется поэтому вполне назревшим. Без анализа ментальности одного из этих, по словам И.В. Сталина (кстати говоря, хотя и не «поповича» в чистом виде, но человека, прошедшего школу духовного училища и православной семинарии), «людей особого склада»⁴ нельзя до конца понять особенности русской революции и ее последующей трансформации.

«Малая родина» и семья

Евгений Алексеевич Преображенский родился 15 февраля 1886 г. в г. Болхове, уездном центре Орловской губернии, расположенном в 55 верстах севернее Орла. Возвышающийся на обрывистом берегу р. Нугрь, увенчанный куполами 18 церквей и высокими колокольнями, этот старинный торговый городок казался чудесным видением из волшебной русской сказки. Его часто называли и до сих пор зовут «вторым Суздалем».

И по отцовской, и по материнской линии Евгений Преображенский – выходец из среды потомственных православных священников. Отец, Алексей Александрович, родился 8 марта 1853 г. в селе Упорье Трубчевского уезда Орловской губернии также в семье священника⁵. Это был человек незаурядный, отличавшийся ярко выраженным стремлением к духовному просветительству. Его судьба – убедительное свидетельство справедливости утверждения С.Н. Булгакова: «В русской истории «духовное» сословие, при всех немощах, было, действительно, и наиболее духовным»⁶.

По окончании Орловской духовной семинарии А.А. Преображенский в течение двух лет учительствовал в начальной школе при семинарии. Затем семь лет преподавал в земской народной школе в селе Жирятино Трубчевского уезда. Очевидно,

учителем он был неординарным. Свидетельство тому – денежные вознаграждения, неоднократно получаемые им от земства и Министерства народного просвещения. 15 августа 1883 г. А.А. Преображенский был рукоположен в сан священника болховской Покровской церкви. В том же году на свои средства он открывает школу грамоты, а два года спустя организует в покровском приходе воскресную школу. В 1886 г., в год рождения сына Евгения, отец Алексей открывает, опять же на собственные средства, церковно-приходскую школу – «учительствовал и законоучительствовал (преподавал Закон Божий. – М.Г.) в ней сам». С 1890 по 1894 г. он состоял членом болховского отделения епархиального училищного совета (учреждения, ведавшего местными церковно-приходскими школами). Одновременно с 1884 г. по 5 ноября 1894 г. Преображенский-старший преподавал Закон Божий «в третьеразрядном частном учебном заведении г-жи Банковской», а затем на протяжении многих лет законоучительствовал в Болховском городском мужском училище.

17 февраля 1895 г. (через два дня после того, как Жене Преображенскому исполнилось девять лет) А.А. Преображенского, по его же просьбе, перевели из Покровской в Троицкую церковь (сооружена в конце XVII – начале XVIII в.). Сюда же перешла и его церковно-приходская школа. Именно с этим, пожалуй самым красивым, храмом Болхова связано большинство осознанных детских, отроческих и юношеских религиозных переживаний будущего революционера.

Скудные сведения, содержащиеся в послужном списке А.А. Преображенского, подтверждают и дополняют воспоминания его внука, Леонида Евгеньевича Преображенского – сына Е.А. Преображенского от первого брака с Розой Абрамовной Невельсон (1898–1980)⁷. «По рассказам моей матери, – пишет Леонид Евгеньевич, – Преображенские, сколько удастся проследить историю их семьи, были священнослужителями, но протоиерейского сана удостоен был только Алексей Александрович – после окончания духовной семинарии и длительного служения приходским священником». Рассказывая об отцовской библиотеке, Л.Е. Преображенский вспомнил интересную деталь, характеризующую А.А. Преображенского как образованного и достаточно терпимого к инакомыслию человека: «Создавалась эта библиотека отцом с гимназической поры и, несмотря на его странствия по Руси, в начале XX в. библиотека в Болхове все время пополнялась, и не только отцом, но и Алексеем Александровичем. Можно вполне предположить, что он был единственным протоиереем, хранящим большое количество литературы, противоречащей религиозным взглядам»⁸. Отец Евгения Преображенского принадлежал к лучшим представителям слоя православных приходских священников, тех самых «батюшек», как их ласково называли в народе, которые на протяжении столетий крестили и венчали, воспитывали и обучали, наставляли и отпевали многие поколения русских людей, были их духовными наставниками и исповедниками.

О других членах семьи Преображенских известно, к сожалению, немного. В 1906 г. в ее состав (впоследствии он не менялся) кроме А.А. Преображенского входило шесть человек: его жена Варвара Алексеевна (урожденная Левицкая), дочь протоиерея, получившая образование в Жиздринском пансионе, в то время ей было 42 года, а также пятеро детей. Дочь Людмила, 22 лет, по окончании курса в Орловском епархиальном женском училище занимала «должность учительницы в селе Хотетове Болховского уезда»; сын Виктор, 21 года, обучался «в 6-м классе Орловской духовной семинарии»; дочь Ольга, 18 лет, училась «в 8-м классе Орловской женской гимназии г-жи Гиттерман»; дочь Александра, 11 лет, являлась ученицей 2-го класса Болховской женской прогимназии; Евгению, третьему ребенку в семье, в то время было 20 лет⁹.

Перед нами типичная для православного русского духовенства той поры многодетная семья. Однако в отличие от прежних времен в этой семье уже не было единства.

Ощущается подспудно нарастающий, столь характерный для той трагической эпохи, мировоззренческий раскол: из пяти детей двое получили духовное, трое же, включая нашего героя, – светское образование.

Жизнь родителей Е.А. Преображенского завершилась трагически: «К 1932 г. Преображенских дважды раскулачивали, а в 1936 г. Алексея Александровича арестовали, и он умер в заключении. Варвара Алексеевна пережила его ненадолго. К травме одиночества добавилась травма физическая: упав с крыльца, она долго пролежала на земле без помощи, занемогла и вскоре умерла»¹⁰. Но в 1886 г., когда в семье Преображенских родился третий ребенок – Евгений, до этих драматических событий было еще далеко.

Детство

Как протекало детство «поповича», из какого зерна проросли побег его пламенной революционности? В автобиографии, написанной для энциклопедического словаря «Гранат», Е.А. Преображенский выделил три качества, характеризовавшие его в детстве: развитый интеллект, религиозность, отвращение к материальному неравенству.

Роль интеллектуальной одаренности («очень рано научился читать и уже в 4 года читал рассказы в азбуке Толстого») в жизни революционера достаточно ясна: именно она послужила предпосылкой его позднейших новаторских изысканий в области экономической теории. Но эта особенность личности мало что дает для понимания генезиса социального радикализма нашего героя: далеко не каждый интеллигент становится революционером.

Революционный вектор судьбы болховского «поповича» скорее могут объяснить другие черты его детского мировосприятия: религиозность и сочувствие «униженным и оскорбленным». «В детстве был очень религиозен, – вспоминал в автобиографии Е.А. Преображенский. – Много времени проводил на колокольне тех двух церквей, где служил отец: ловил голубей, разорял гнезда ворон и недурно звонил в маленькие колокола»¹¹.

Чтобы глубже разобраться в существе его истовой детской религиозности, обратимся к методу исторической аналогии. 16 июня 1871 г., т.е. пятнадцатью годами раньше Е.А. Преображенского, в Ливнах – другом небольшом городке той же Орловской губернии – также в семье потомственного православного священника родился сын. В честь преподобного Сергия Радонежского он получил имя Сергей. Этому русскому мальчику суждено будет пройти крайне сложный путь духовного развития: от детской религиозности к бескомпромиссному атеизму, затем стать одним из наиболее образованных марксистов своей эпохи, а еще позже, избыв марксизм, вернуться в лоно Русской православной церкви. Речь идет о блестящем православном философе и богослове С.Н. Булгакове.

В автобиографическом очерке «Моя Родина», созданном на склоне лет, отец Сергей реконструирует свои детские религиозные переживания, воскрешает перед нами «ауру» насквозь пронизанной православием жизни священнической семьи. «Наш дом, – вспоминал Булгаков, – был недалеко от нагорной части, над рекой, в пяти минутах от Сергиевской церкви. Он был деревянный, в пять комнат, расширявшийся пристройками»¹². Приблизительно в таком же доме, расположенном также над рекой, жила и семья Преображенских¹³. «Святая колыбель. Внутри его все было бедно и просто (хотя и выше среднего уровня ливенской жизни), скромная деревянная мебель, но даже «диван» и два «кресла» в «гостиной». Везде иконы и горящие перед ними лампы, словно церковь»¹⁴. Аналогичным образом могло выглядеть внутреннее убранство дома и у

семьи Преображенских, уровень материального благосостояния которой также был сравнительно высок. «Отец как-то сказал, – вспоминает Л.Е. Преображенский, – что его родители были очень богатыми людьми, и даже после двух раскулачиваний оставались наиболее состоятельными в городе»¹⁵. Правда, следует уточнить, что богачами Преображенские стали выглядеть скорее всего именно в начале 1930-х гг. (второй раз их «раскулачили» в 1932 г.). К этому времени купеческое сословие было уничтожено, а на фоне сидящих на голодном карточном пайке горожан болховский протоиерей действительно мог показаться Крезом.

Думаю, не погрешу против истины, предположив, что, «очень религиозный в детстве», Женя Преображенский относился к Церкви примерно так же, как и Сережа Булгаков, писавший на закате жизни: «...Родина моей родины, ее святыня была Сергиевская церковь [...]. Для нас она была чем-то столь же данным и само собою разумеющимся, как и [...] природа. Она была прекрасна, как и эта природа, тихую и смиренную красотой [...]. Как мы любили этот храм – как мать, как родину, как Бога, – одной любовью, и как мы вдохновлялись им. Он был для нас и святилищем, и источником восторгов красоты – больше у нас ничего не было, но этого было довольно [...]. Больше ничего у нас не было в детстве из области «культуры»: ни музыки, ни другого искусства, которого так жаждала душа. Но она была полна, потому что все дано было в Церкви, истина чрез красоту и красота в истине»¹⁶.

Церковными уставами определялась вся повседневная жизнь священнической семьи, и вряд ли Преображенские были в этом смысле исключением. «Оба они – и отец и мать – были проникнуты церковной верой с простой и наивной цельностью, которая не допускала никакого вопроса и никакого сомнения, а вместе с тем никакой вольности и послаблений. Типикон¹⁷ был нашим домашним уставом в постах и праздниках, богослужениях и молитве [...]. Строй нашей жизни дышал этой атмосферой и не мнил быть иным. Поэтому для нас было самоочевидным, как бы законом природы, что постные дни, и особенно суровый режим Великого поста, не могут быть не соблюдаемы; что ранние, даже ночные вставания к службе, независимо от времени года и погоды, неотменны, и не может даже возникнуть вопроса о человеческой слабости, состоянии здоровья и проч. Да они и не возникали, не могли возникнуть эти вопросы в нас самих, в детях, так мы сами были проникнуты этим, так мы любили храм и красоту его службы»¹⁸.

Церковь зажигала в душах юных «поповичей» стремление к высоким идеалам, к обретению немислимой в грешной земной жизни гармонии; она же делала их сопричастными судьбе народа. Предоставим опять слово отцу Сергию: «Вместе с Церковью я воспринял в душу и народ русский, не вне, как какой-то объект почитания или вразумления, но изнутри, как свое собственное существо, одно со мною. Нет более народной и, так сказать, народящей, онародивающей стихии, нежели Церковь, именно потому, что здесь нет «народа», а есть только Церковь, единая для всех и всех единящая»¹⁹.

И именно Православная церковь рождала в ранимых детских душах первые социальные переживания: невольно заставляла их почувствовать социальную несправедливость, ощутить нищету и страдания народа; пробуждала в них покаянные чувства по отношению к «мужику». К празднику Пасхи, – вспоминал С.Н. Булгаков, – детям шили какую-нибудь обновку. Но при этом мы знали, что кто-то из наших знакомых ребят обязательно будет в церкви в старой одежде. «И красуясь в церкви в своей обновке, я робко искал глазами и находил его – в его уродстве. Правда, сам-то он едва ли так остро чувствовал свое убожество, а сам я отлично приспособлялся к некоторому духовному неудобству и благополучно забывал об укорах совести. Но они всегда были, эти укоры»²⁰. И психология «кающегося интеллигента», которую

он не умеет отличить от христианского покаяния, вместе с его «народничеством» зародилась именно здесь.

Сравним у Преображенского: «Из социальных чувств, пробудившихся у меня очень рано, было отвращение к материальному неравенству. Когда мне было лет 8, я, помню, демонстративно выбросил матери купленные для Пасхи новые сапоги на том основании, что мой приятель детских игр Мишка Успенский, сын сапожника, должен был из бедности надеть на Пасху рваные сапоги»²¹. Да, Преображенский более радикален в своем эгалитаризме, чем Булгаков, но рождает этот эгалитаризм, покаянные по отношению к народу чувства один, общий обоим, и не им одним, источник – «онародивающая» стихия Русской православной церкви.

Бунт против Бога

Дальнейшая духовная эволюция Преображенского достаточно типична для многих «поповичей» XIX в., начиная с В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова²². Искренняя детская религиозность Евгения не выдержала столкновения с потоком атеистическо-обличительной литературы, размывавшим мировоззренческие основы тогдашнего русского общества: Бог был отвергнут.

«Сначала я учился в частной школе моего отца, – вспоминал Е.А. Преображенский, – потом перед поступлением в гимназию прошел два класса Болховского городского училища. Первые два-три года в Орловской гимназии учился хорошо, был вторым учеником, но потом потерял интерес к гимназическим наукам, потому что увлекся чтением газет, журналов либерально-народнического направления, романов наших классиков и учебников истории»²³. В Орловскую классическую мужскую гимназию, в которой получили образование писатель, фольклорист, этнограф П.И. Якушкин, писатели Н.С. Лесков и Л.Н. Андреев, братья Петр и Александр Столыпины, другие примечательные персонажи российской истории и культуры, Евгений Преображенский поступил в 1897 г.²⁴ «На четырнадцатом году, – продолжает Преображенский, – самостоятельно пришел к убеждению, что Бога не существует...»²⁵

Как произошел этот перелом в душе Евгения? Глубже понять причины, обстоятельства, сам процесс перехода от детской религиозности к атеизму нам опять поможет С.Н. Булгаков, который примерно в том же возрасте (один раз он говорит о 12–13, другой – о 14–15 годах) пережил нечто подобное: «Я родился и вырос под кровом церковным, и это навсегда определило мою природу [...]. Я всегда жил в вере и верою. Как же могло случиться, что этой верой моей стало неверие [...]? Как это случилось? Как-то сразу, неприметно, почти как нечто само собою разумеющееся, когда поэзию детства стали вытеснять проза бурсачества и семинарии»²⁶. У Преображенского роль «бурсачества и семинарии» сыграли, очевидно, «проза» гимназического бытия и наблюдение «религиозной кухни с ее закулисной стороны»²⁷. Начались сомнения, вопросы. «Внутренний разлад, однажды проявившийся, все углублялся и переходил в религиозный кризис».

Последний, возможно, разрешился бы относительно безболезненно, если бы к свойственным юношам критическому настрою, скептицизму, нонконформизму не добавилось воздействие еще одного мощнейшего фактора – русской интеллигентской культуры, буквально пропитанной в те времена атеизмом. «Иной культуры, кроме интеллигентской, – по признанию Булгакова, – я не знал. [...В результате я] оказался отрочески беспомощен перед неверием и в наивности мог считать [...] что оно есть единственно возможная и существующая форма мировоззрения для «умных» людей»²⁸.

Сравним у Льва Тихомирова, развивавшегося во многом параллельным булгаковскому путем: «Все, что я слышал юношей, систематически подрывало мои детские верования. Я видел вокруг себя исполнение религиозных обрядов, но или неискреннее, или стыдящееся самого себя. Образованный человек или не верил, или верил, находясь в противоречии с собственными убеждениями. *Чего только юношей, мальчиком не приходилось слышать или читать о религии!* Книжки говорили не о православии. Говорилось о суевериях католицизма, о непоследовательности протестантизма, об изуверстве клерикалов, даже с добавлением, что все это не относится к православию. Насмешливая оговорка была слишком ясна, тем более что материализм проповедовался открыто. Но если нет Бога, если Христос человек, то, конечно, нетрудно рассудить, что такое православие. Я очень рано начал читать Писарева (одного из «властителей дум» и юного Преображенского. – М.Г.) [...]. С его наставлениями дело у меня пошло на всех парах. Лет пятнадцати я верил во всевозможные «произвольные зарождения» [жизни] Пуше, Жоли, Мюсси и т.п. столь же твердо, как в шарообразности Земли или в невежество Пастера, пустоту Пушкина и «мракобесие» славянофилов»²⁹.

Из литературы, благодаря которой укрепились его атеистические воззрения, Е.А. Преображенский вспоминает два тома «Истории культуры» Кольба: «Это поверхностное произведение оказало на меня столь сильное влияние именно потому, что автор последовательно разоблачает все религиозные суеверия и религиозное невежество, не умея, впрочем, понять их исторической закономерности»³⁰. Речь идет об «Истории человеческой культуры» известного немецкого статистика Ф. Кольба, человека достаточно радикальных взглядов (в революционном 1848 г. он был депутатом франкфуртского парламента), считавшего, что «религии возникли вследствие страха, истекавшего из слабости и невежества человека»³¹.

«В своем религиозном нигилизме» (выражение С.Н. Булгакова³²) Е.А. Преображенский проявил столь присущую ему (вспомним брошенные матери новые сапоги, подаренные на Пасху) последовательность. В автобиографии он вспоминает об «отвращении к религии», которое им овладело, о том, что его «интересовало тогда не столько объяснение религии, сколько ее абсолютное отрицание». Богоборческий бунт Евгения привел к острому конфликту в семье Преображенских. Началась «упорная борьба» юноши «внутри семьи против посещения церкви и прочих религиозных обрядов»³³.

Каково было наблюдать все это искренне и глубоко верующим отцу и матери? Особенно тяжело, видимо, приходилось отцу. 1 марта 1899 г. его утверждают председателем болховского отделения епархиального училищного совета, в 1900 г. избирают представителем от духовенства в Болховском уездном земском собрании. Эти события происходят как раз в год богоборческого бунта Евгения. Внутри семьи идет упорная борьба с разуверившимся сыном. В 1902 г., в год 16-летия непокорного юноши, его отца назначают благочинным всех болховских церквей. Отныне А.А. Преображенский призван управлять церковно-приходскими школами Болхова, следить за благочинием в храмах города, за поведением учащихся духовных заведений, а он не может вырваться из объятий атеистического искушения собственного сына! Очевидно, после одного из внутрисемейных столкновений Преображенский-старший не выдерживает столь двусмысленной ситуации. В 1903 г. он подает прошение об увольнении от должности благочинного³⁴.

Конфликт отца с сыном будет длиться десятилетиями. Отголоски его звучат в воспоминаниях Л.Е. Преображенского: «...Мама, я и сестра бывали в Болхове (речь идет о 1920–1930-х гг. – М.Г.) непростительно редко. Значительно чаще бывал там отец [Е.А. Преображенский], но всякий раз возвращался расстроенным и неразговорчивым»³⁵.

Остро переживала богоотступничество сына и мать Варвара Алексеевна. Л.Е. Преображенский вспоминает об обстоятельствах первого ареста отца, случившегося 18 марта 1906 г.: «Невольно представляешь себе, как должна была расстроиться эта женщина [Варвара Алексеевна], узнав от извечного «доброжелателя», что ее двадцатилетний сын посажен в тюрьму, да еще где-то в далекой Перми. Можно себе представить, с какой титанической энергией обрушилась эта женщина на приехавшего, спустя некоторое время, сына³⁶. Как неопровержимо доказывала она убежденному атеисту необходимость надеть и носить крестик. И победила. Эту историю мне рассказал отец в начале тридцатых годов, когда у него при мне случайно выпал из бумажника маленький золотой крестик. Но странное дело: в квитанции № 5096 от 20 декабря 1936 г. об изъятии у отца вещей при последнем аресте бумажник числится, а крестика нет. Готов предположить, что при аресте отец надел его вновь. С другой стороны, могло быть всякое, если производящий обыск характеризует библиотеку штуками книг»³⁷.

Жребий брошен

Что происходило в душе Евгения после его богоотступничества? Очевидно, как и у С.Н. Булгакова, у него наметился «переход не от веры к неверию, но с одной своей веры к другой, чужой и пустой, но все-таки вере, имеющей для себя свои собственные святыни». «...Самый характер моего неверия, – вспоминал Булгаков, – не был состоянием религиозной пустоты и индифферентизма, но вера в «прогресс» человечества и под[обное]»³⁸.

Правомочность такой аналогии подтверждают, в частности, воспоминания Ахмет-Заки Валидова (Валиди) – историка, тюрколога, одного из руководителей Башкирской республики в 1919–1920 гг., близко соприкасавшегося в тот период с Е.А. Преображенским. По его наблюдениям, атеизм (неверие) Преображенского производил на окружающих впечатление религиозного чувства: «Преображенский был искренним атеистом. Атеизм он считал основным источником всех наук, это он отразил в «Азбуке коммунизма». Как-то в разговоре я сказал: «Ну можно ли так категорично говорить обо всех этих метафизических посылах: вам, товарищ Преображенский, надо было стать священником, вы по ошибке выбрали коммунистический путь». Позже об этом рассказали Ленину, и тот оценил: «Это Валидов правильно открыл»³⁹.

Какую же новую веру, вместо отринутого православия, обрел или, точнее, постепенно обретал Преображенский? Вначале она была, видимо, столь же неосознанна и расплывчата, как более ранняя детская религиозность, и представляла собой некую аморфную революционность: скорее настроение, чем убеждение, чувство, а не доктрину. Преображенский писал о «состоянии неопределенной и неоформленной революционности»⁴⁰, в котором он находился довольно долго. Новый «символ веры» на первых порах имел, вероятнее всего, более отрицательный, нежели положительный характер, и заключался в пресловутом «нигилизме» – глубоком отчуждении от исторической России, ее тотальном отрицании.

Атеизм – отчуждение от традиционной России – революционаризм. Эти вехи духовной эволюции тогдашнего русского интеллектуала почти неизбежно следовали друг за другом: утрата религиозности неминуемо вела к обретению революционности. «...Вместе с потерей религиозной веры, – по свидетельству С.Н. Булгакова, – я естественно, как бы автоматически, усвоил господствующие в интеллигенции революционные настроения, без определенной партийности...»⁴¹

Православие в умах тогдашних русских людей было неразрывно связано с самодержавием: царь является помазанником Божиим; во время обряда венчания на

царство ему сообщается мистическая благодать от Всевышнего, перед которым отныне он несет полную ответственность за страну и народ. Но чтобы отвечать за все, надо обладать неограниченными полномочиями в государстве, быть властью самодержавной. Без мистики же православия, вера в которую была утрачена русской интеллигенцией, самодержавие в ее глазах становилось не чем иным, как деспотической диктатурой, а весь строй государственно-правовых отношений в Российской империи лишался легитимности⁴².

Но, отбросив православие, русская интеллигенция не утрачивала воспитанного Церковью чувства своей кровной общности с народом (своеобразной разновидности некоего неосознанного, стихийного демократизма). В результате казавшиеся ранее естественными (хотя и воспринимаемые не без душевного дискомфорта) социальные контрасты, нищета части народа теперь становились в глазах «внезапно прозревших» интеллектуалов вещами противоестественными. С их глаз как бы спадала пелена, стихийный демократизм прорывался из подсознательной сферы в область сознания и, столкнувшись с жизненными реалиями самодержавно-сословной России, принимал форму неудержимого стремления к революционному действию. Русская жизнь (о загранице имелось весьма смутное, зачастую «книжное», представление; родившиеся на Западе идеи, как правило, некритически переносились на русскую почву, служа одним из источников социального утопизма русской интеллигенции⁴³) вдруг представлялась чудовищно несправедливой, становясь под пером радикальных «поповичей» (Белинского, Чернышевского, Добролюбова) объектом беспощадного бичевания, силу которого лишь в малой степени ослабляла легко обходимая при помощи «эзопова языка» цензура. «Прежде чем в мои руки попало первое подпольное произведение, – вспоминал Преображенский, – я был уже достаточно радикально настроен под влиянием чтения «Русского богатства», «Русских ведомостей», «Отечественных записок», Салтыкова-Щедрина и особенно Добролюбова и Писарева»⁴⁴.

По прочтении таких работ в экзальтированных юных умах возникало одно желание: «отречься от старого мира», «отряхнуть его прах с наших ног». Собственно, к этому и призывал, например, Добролюбов в неподцензурном «Письме из провинции» (в адрес А.И. Герцена), в котором утверждалось, что источник вековых бедствий России – «это несчастное идолопоклонство перед царским ликом [...]. Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет [...]. К топору зовите Русь»⁴⁵.

Настроения, навеянные чтением работ революционных демократов, подпитывались у Е.А. Преображенского наблюдениями над темными сторонами российской действительности, которая, как и в любой другой стране, не была идиллической: «...Во время каникул я постоянно наблюдал в деревнях Болховского, Мценского и Брянского уездов, где часто проводил каникулы, бедственное положение, нищету и забитость крестьянства»⁴⁶.

В душе отринувшего Бога болховского «поповича» чувство целостной, относящейся ко всему человечеству, не исключая и грешников («люби грешника и ненавидь грех»⁴⁷), христианской любви постепенно расщепляется, раздваивается на любовь к «народу» и ненависть к «его угнетателям».

Довершило революционное воспитание Преображенского знакомство с нелегальной литературой: «Когда я был в пятом классе гимназии, мне впервые попала в руки кое-какая нелегальная литература. Из этих первых произведений вспоминаю отпечатанный на гектографе фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы», перед этим напечатанный в газете «Россия», прокламацию революционного комитета студентов Екатеринбургского Горного института, описание избиения студентов казаками и

несколько революционных стихотворений, как «Марсельеза», «Дубинушка», «Смело, друзья, не теряйте» и т.д.»⁴⁸

Наконец настал час окончательного выбора революционной судьбы: «Как сейчас вспоминаю один очень важный момент из своей биографии, – с волнением писал много лет спустя Е.А. Преображенский. – Дело было летом, когда я приехал домой в Болхов, забрался в самый темный угол нашего сада, где за баней была расположена маленькая лавочка в кустах сирени, и начал перечитывать все мое нелегальное достояние, как старое, так и вновь полученное, в том числе рукописную тетрадь с различными студенческими прокламациями, юмористическими и лирическими стихами, а также с некоторыми фактами из революционной хроники. В определенный момент передо мной встал во всем объеме чисто практический вопрос: что же делать? Согласен ли я стать в ряды революционеров со всеми вытекающими отсюда последствиями, как исключение из гимназии, разрыв с семьей, тюрьма, ссылка и т.д. И вот здесь-то я принял решение и твердо сказал себе: да, я перехожу в ряды революционеров, что бы ни случилось»⁴⁹.

Момент решающего шага, окончательного «обручения с Революцией», нередко принимавший форму клятвы, – важная веха в судьбе каждого настоящего революционера. Вспомним знаменитую клятву Герцена и Огарева, данную в Москве на Воробьевых горах: «Мы [...] взбежали на место закладки Витбергова храма на Воробьевых горах. Запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу. Сцена эта может показаться натянутой, очень театральной, а между тем через двадцать шесть лет я тронут до слез, вспоминая ее, она была свято искренна, это доказала вся жизнь наша»⁵⁰.

Итак, Евгений Преображенский решает встать на путь бескомпромиссной борьбы за революционное преобразование России.

Революция и мораль

Новая, революционная вера наполнила жизнь Евгения великим смыслом. Но «вера без дел мертва есть». И первым оппозиционным действием стала некая «игра в революцию», во время которой ее участники как бы вживались в образ революционера, примеряли костюм «борца с самодержавием». Преображенский вспоминал, как на каникулах вместе с Ваней Анисимовым – товарищем детства, сыном болховского купца – часто отправлялись «вдвоем за город в наиболее глухие места и выражали наш протест против самодержавия пением «Марсельезы», но так, чтобы никто, кроме нас, не слышал. Когда мы проходили мимо болховской городской тюрьмы – жалкого старомодного зданьца, где обычно содержалось десятка два мелких воришек и конокрадов, – наши мысли уходили к Крестам и Бутырмам, где томились дорогие нам борцы против самодержавного режима»⁵¹.

Пылкая революционность буквально переполняет Преображенского, рождает непреодолимое желание поделиться обретенной истиной с окружающими: «Вернувшись после каникул в гимназию, я решил употреблять на гимназические предметы минимум времени, чтобы не спускаться только ниже «тройки», а центр тяжести своей деятельности перенес на жадное чтение по ночам заграничных произведений на папиросной бумаге, посвящая все время днем чтению книг по истории революции, а также первым начаткам политической экономии. Кроме того, мы с Иваном Анисимовым начали

расширять свою пропаганду среди учащихся, завели пару кружков, вступили в сношения с поднадзорными города Орла»⁵².

Революционный прозелитизм незаметно переводит «игру в революцию» в ранг настоящего революционного дела. В этот период у Преображенского «появляется мистическая страсть к размножению нелегальной литературы»⁵³. Именно такую форму в условиях подцензурной печати принимает у юного бунтаря унаследованная от отца склонность к духовному просветительству. Рукописный журнал «Школьные досуги», основанный Евгением и поэтом Александром Тиняковым, его уже не удовлетворяет – он слишком аполитичен. Не устраивает и печатание «некоторых небольших вещей» на гектографе, простейшем приспособлении для размножения текста и иллюстраций (на нем получали до ста копий оригинала), изобретенном в 1869 г. в России М.И. Алисовым.

«Я мечтал о типографии и для осуществления своей мечты к следующим каникулам подготовил «повышение уровня техники». В числе прочей революционной молодежи того времени в нашем кругу в Орле были дети владельца местной типографии Алексина. По моему настоянию Саша Алексин украл из касс типографии своего отца пять фунтов шрифта, который я предполагал употребить для более усовершенствованного печатания «Сборника революционных песен»: «Марсельезы» и других. С этим шрифтом я приехал домой на каникулы и «открыл» типографию в бане своего отца в саду. Сделал кассы, разложил по ним шрифт и начал набирать «Отречемся от старого мира». Чтобы мои уединенные занятия в бане не были подозрительны для семейства, я убедил отца в том, что мне физически полезно вставать на рассвете и ходить купаться в местную реку Нугрь. Купаться я, конечно, не ходил, а все время проводил в бане, пытаясь овладеть типографским ремеслом. Из моего набора ничего не выходило: буквы рассыпались, некоторых букв не хватало [...]. Промучившись две недели над своим печатанием, я решил «закрыть» типографию, закопал шрифт в землю, а осенью отвез его обратно в типографию Алексина. Пришлось по-прежнему остаться на уровне гектографской техники с тем, чтобы потом перейти к мимеографу (ротатору. – *М.Г.*), на котором мы, по поручению орловского комитета, печатали те или другие воззвания»⁵⁴.

Осознавал ли в те годы Евгений, что «революционная борьба» не только отчуждает его от семьи и общества, но и постоянно ставит перед ним морально-этические вопросы, вынуждает нарушать нравственные заповеди: чтобы «открыть типографию», ему пришлось подбить товарища на кражу шрифта у отца, сам он теперь постоянно обманывает родителей?

По крайней мере несколькими годами позже тема «революция и мораль» станет предметом его напряженных раздумий. Ф.В. Виноградов, проведенный в 1910 г. некоторое время с Е.А. Преображенским в Александровской пересыльной тюрьме под Иркутском, вспоминал: «Один из докладов т. Преображенского (который он сделал в тюрьме. – *М.Г.*) «Этика с материалистической точки зрения» отвечал назревшей потребности осветить, каковы должны быть предъявлены этические требования к революционеру. Доклад исходил из основного положения: «Благо революции – высший закон». Дискуссия по этому докладу заняла два вечера»⁵⁵. В августе 1918 г. Преображенский конкретизирует высказанный в 1910 г. тезис: «Советская власть защищает пролетарскую революцию. «А какими средствами?» – спрашивает левый эсер. На это мы отвечаем: «Для такой великой цели хороши все средства, которые достигают этой цели, и только с точки зрения целесообразности можно обсуждать их»⁵⁶. А еще позже, в 1923 г., Преображенский посвятит морально-этической проблематике специальную работу «О морали и классовых нормах», основная идея которой будет той же: «Благо революции – высший закон»; по отношению к представителям своего лагеря

надо быть честным, порядочным, отзывчивым; в отношении же «врагов революции» – «все дозволено»⁵⁷. Так, расщепление всечеловеческой любви привело в конечном счете к раздвоению этики, к двойной морали⁵⁸.

«Боже мой, что это вообще было! – в отчаянии воскликнет в разгар Гражданской войны великий земляк Е.А. Преображенского И.А. Бунин. – Какое страшное противоестественное дело делалось над целыми поколениями мальчиков и девочек, долбивших Иванюкова и Маркса, возившихся с тайными типографиями, со сборами на «красный крест» и с «литературой», бесстыдно притворявшихся, что они умирают от любви к Пахомам и к Сидорам, и поминутно разжигавших в себе ненависть к помещику, к фабриканту, к обывателю, ко всем этим «кровопийцам, паукам, угнетателям, деспотам, сатрапам, мещанам, обскурантам, рыцарям тьмы и насилия!»⁵⁹ Бунин, думается, прав во всем, кроме одного: сострадание «к Пахомам и Сидорам» не было «бесстыдным притворством». С.Н. Булгаков раскрыл, из какого глубокого – христианского – источника оно проистекало.

Обретение истины

Какое-то время отрицающая сторона революционности, по-видимому, преобладала в сознании Преображенского. Однако аморфность положительного революционного идеала довольно скоро стала вызывать в его душе чувство дискомфорта. «Когда я перешел в седьмой класс гимназии, – вспоминал он в автобиографии, – я уже не мог долго оставаться в состоянии неопределенной и неоформленной революционности. Надо было выбирать между социалистами-революционерами и социал-демократами. Решающее влияние на выработку моего мировоззрения имели в это время два произведения: «Коммунистический манифест» и «Развитие научного социализма» Энгельса. Долго размышляя над этими произведениями, я решил, что народническое мировоззрение является несостоятельным и *ненаучным* (выделено мною. – М.Г.) и что только марксизм может указать мне правильную дорогу»⁶⁰.

Почему из всего многообразия революционных учений того времени Преображенский, и не он один, выбрал марксизм? «Триумфальное шествие» учения Карла Маркса в среде русской интеллигенции той эпохи, думается, являлось результатом весьма сложного социально-психологического феномена, сердцевиной которого стало именно «расправославливание» чувства и сознания, на котором следует остановиться подробнее.

Что мы имеем в виду? Душевный строй воспитанного в лоне Православной церкви человека отличается, на наш взгляд, тремя главными особенностями: 1) в сфере эмоций – доминированием чувства искренней любви и сострадания к ближнему; 2) в рациональной области – оптимистичным дуализмом: осознанием мира, мировой истории как постоянной борьбы светлого и темного начал, призванной завершиться в конечном счете победой светлых сил: утверждением сознательно выбранного частью человечества Царствия Божия⁶¹; 3) в навыках бытовой повседневности – стремлением (выраженным намного более ярко, чем в других конфессиях) к упорядоченности, цикличности обыденной жизни: каждый верующий включен в дневной, недельный, годичный цикл молитв и обрядов, праздников и постов.

Православный, утратив веру, не утрачивал вместе с ней сформированного православием склада души: она оставалась проникнутой любовью к человеку, воспринимала мир в парадигме оптимистичного дуализма, стремилась к упорядоченной повседневности. И, думается, из всех тогдашних революционных учений (мы уже говорили, почему утрата веры почти автоматически вела к революционности) в наибольшей степени отвечал душевным чаяниям «разуверившихся верующих» именно марксизм. Его социальный

императив – борьба за счастье обездоленных, трудящихся – удовлетворял потребность в любви «к Пахомам и к Сидорам». Его философия – диалектический и исторический материализм, увенчанный коммунистической эсхатологией, довольно неплохо «сстыковывался» с дуалистическо-оптимистической православной мировоззренческой доктриной. Его политико-экономический идеал – планируемая экономика – обещал «расправославленному» человеку вернуть утраченную упорядоченность бытия. Огромную роль в заразительности, притягательности марксизма играли также его подчеркнутые объективизм, «научность» и техницизм, столь отвечавшие самому духу той рационалистической эпохи. В итоге же «марксизм представлялся русской молодежи научно обоснованным социальным идеализмом, верным путем служения народу, бесспорным залогом прогресса и благоденствия»⁶².

Придя к марксизму, лучшие представители русской молодежи как бы вновь обрели душевное равновесие. Типична в этом смысле духовная эволюция Г.М. Кржижановского: «Первичные искания разночинцев 60-х годов, шедшие к нам с ветшающих страниц «Современника» и «Отечественных записок», обличительное слово Салтыкова-Щедрина, свободолюбивые блески публицистики Михайловского, тяжеловесная проповедь Лаврова, отдельные брошюры из изданий землевольцев и народовольцев и, наконец, тот удивительный благовест, совпавший с весной нашей жизни, который шел к нам от изданий группы «Освобождение труда», – вот та литературная цепь, по звеньям которой мы шли в своем превращении из неопределенных народолюбцев во вполне определенных марксистов. И как некоторый утес, завершающий поворотную грань на этом пути, стояло великое творение Маркса – его «Капитал»!.. Продумывая страницы этой книги, мы впервые начинали чувствовать твердую почву под своими ногами...»⁶³

Аналогичный путь проделал и Е.А. Преображенский. Осенью 1903 г. его марксистский выбор получает формально-организационное оформление: Евгений Преображенский, Иван Анисимов и Александр Литкенс, составив в гимназии социал-демократическую тройку, разворачивают интенсивную работу в учебных заведениях Орла, действуя в качестве ячейки Орловского комитета РСДРП. «Собственно, с конца 1903 г. я считаю себя членом партии, хотя формальный торжественный прием меня, Литкенса и Анисимова в партию состоялся месяца на два-три позже»⁶⁴.

Апостол революции

В конце 1903 г. Евгению было всего 17 лет. Наконец-то обрета целостное мирозерцание, революционный неофит поистине с апостольской страстью отдается социал-демократической пропаганде, стремясь обратить в марксистскую веру как можно большее число непосвященных. «В начале 1904 г., когда началась Русско-японская война, орловский комитет партии выпустил прокламацию против войны и поручил нам троим распространить ее в большом количестве в гимназии. Мы осуществили это следующим образом. Во время одного урока мы одновременно все трое из разных классов вышли в раздевальню, где висели пальто всех гимназистов, и, улучив удобный момент, разложили полторы или две сотни прокламаций в карманы пальто всех гимназистов старших классов. Операция прошла благополучно, и, когда гимназисты одевались и расходились по домам, они все с удивлением находили в карманах произведение орловского комитета. Получился громкий скандал, администрация металась в поисках виновников, жандармы учинили следствие, но виновников не нашли. После этого первого нашего организационного (видимо, описка, по смыслу – организованного. – М.Г.) выступления орловский комитет счел возможным принять нас формально в группу пропагандистов

при комитете, что после некоторого легкого коллоквиума было сделано в феврале 1904 г. Весной этого года я получил маленький кружок из двух человек рабочих Хрущевского механического завода и довольно длинно, но не очень убедительно разъяснял им программу партии»⁶⁵.

Преображенский с присущей ему скромностью преуменьшает свои пропагандистские способности. По крайней мере следующий эпизод биографии характеризует его как талантливого агитатора и конспиратора: «Летом того же года, перейдя в восьмой класс гимназии, я, посоветовавшись с комитетом, взял летний урок в центре Мальцевских заводов⁶⁶, на Дятьковской фабрике Брянского у[езда], у сына местного станового пристава Золотова. Своего ученика, Николая Михайловича Золотова [...], я обратил в с[оциал]-д[емократическую] веру. Занимаясь с ним официально латынью, мы главные наши усилия употребляли на пропаганду среди рабочих Дятькова, Ивота и др[угих] Мальцевских заводов [...]. Становой пристав Золотов, отец моего ученика, прилагал много усилий, чтобы выловить дятьковскую ячейку нашей организации, которая распространяла нелегальную литературу и выпускала прокламации на mimeографе. Хранение этого mimeографа и нелегальной литературы мы осуществили довольно своеобразным способом. Мой ученик жаловался отцу, что ему негде хранить свои книги и тетради, и попросил дать ему один ящик в столе отца, который запирался на ключ. Отец охотно ему дал этот ящик с ключом, и в этом ящике мы хранили и mimeограф, и нелегальную литературу в то время, как отец Золотова устраивал обыски по Дятькову, разыскивая зловерный аппарат распространения. Точно так же, когда нам нужно было устраивать массовки в лесах на отдельных фабриках, мы просили у станового пристава его пару лошадей, чтобы съездить на охоту, и ничего не подозревавший становой пристав охотно давал нам своих лошадей с бубенчиками, на которых мы объезжали организации нашего района. Вся эта история раскрылась только год спустя»⁶⁷.

Через год над Россией уже бушевал революционный вихрь. И если раньше революционные увлечения оставляли Преображенскому мало времени для учебы, то что же можно было ожидать от 1905 г. – первого года первой русской революции! «...Настроение напряженного ожидания, волнующего нетерпения и надежд преобладало [...] в Орле, – вспоминал А. Голубков, – где я жил с мая (1905 г. – М.Г.), продолжая [...] работу в Центральном техническом бюро партии⁶⁸ [...]. Я стал заниматься с кружком, состоящим из местной молодежи. Хочется вспомнить, что в этом кружке работал, между прочим, т. Е.А. Преображенский, тогда только что кончивший или кончавший гимназию и проявлявший уже активную партийную деятельность»⁶⁹. «В 1905 г., – пишет Преображенский, – наша группа провела всеобщую забастовку учебных заведений города Орла в апреле и мае, и, несмотря на все это, несмотря на открытые выступления на митингах учащихся, где мы принимали наши академические требования, я не был арестован и даже получил аттестат зрелости»⁷⁰.

Аттестат зрелости

Руководство Орловской (с 1 июля 1904 г. – 1-й Орловской⁷¹) гимназии, очевидно, придерживалось весьма либеральных воззрений. По крайней мере администрация терпимо отнеслась к антиправительственным увлечениям своего ученика. Так, в его «Конduitной тетради», представленной впоследствии Преображенским при поступлении в Московский университет, в графе «Проступки и вообще все достопримечательное, касающееся ученика», содержатся довольно «обтекаемые» формулировки и перечисляются далеко не самые впечатляющие его преступления⁷².

8 апреля 1905 г. состоялось заседание «Классной комиссии Орловской 1-й гимназии о допущении учеников VIII класса к испытаниям зрелости», на котором присутствовали почетный попечитель, директор, инспектор гимназии и все преподаватели восьмого, выпускного, класса. «По обсуждении нравственной зрелости учеников комиссия определила: всем ученикам обоих отделений VIII класса (в том числе и юному бунтарю-атеисту Е.А. Преображенскому. – М.Г.) выставить за поведение отметку «пять» (5) [...]. По подробном обсуждении затем всех данных, внесенных в именной список, комиссия определила: к предстоящим в текущем 1904/05 учебном году испытаниям зрелости допустить всех учеников VIII класса как основного (29 уч.), так и параллельного (23 ученика) отделений (Преображенский обучался в VIII классе параллельного отделения. – М.Г.)»⁷³.

Таким образом, одновременно с проведением всеобщей забастовки учебных заведений Орла и выступлениями на митингах Евгению предстояло сдать начавшиеся 2 мая выпускные экзамены. За сочинение на тему «Какое значение имеет поэзия для ума и сердца?» Евгений Преображенский получил «четверку»⁷⁴. 3 мая выпускники писали письменную работу по алгебре, а 4 мая – по геометрии. Общая оценка, полученная Евгением за письменную работу по математике, – «тройка». 19 мая сдавали экзамен по Закону Божьему. Ответ был оценен на «четыре». 23 мая Евгений сдавал латынь – также «четыре». 27 мая – греческий – «три»; 30 мая – математику устную – «четыре»; 1 июня – историю – «четыре»; 2 июня – французский – «четыре»; последним был экзамен по немецкому языку (дата в отчете не указана) – «пять»⁷⁵. В аттестате Преображенского имеется еще одна пятерка – по логике (выпускной экзамен по этому предмету не проводился). По математической географии, физике, географии в его аттестате проставлены «тройки» («испытания» по ним также не проводились)⁷⁶.

В архивном фонде гимназии сохранился любопытный документ, отразивший дальнейшие планы учеников выпускного класса. В графе «Желают продолжать образование» против фамилии Преображенского – единственного из 52 выпускников – указано: «за границу»⁷⁷. В самом ли деле Евгений собирался отправиться за рубеж и с какой целью – для продолжения учебы или по партийным делам? Как бы то ни было, за границу он не попал.

Боевое крещение

«Летом 1905 г., – вспоминал Е.А. Преображенский, – я отправился в Брянск и там руководил вместе с двумя другими товарищами работой брянского комитета партии. Жил я на ст[анции] Брянск, за отсутствием кровати в моей комнате спал на подостланных на полу двух газетах, питался одной колбасой с хлебом, расходуя не свыше 20 к[опеек] в день, и каждый вечер ходил пешком туда и обратно в Бежицу, т.е. проделывал 18 верст, чтобы вести рабочие кружки на Брянском паровозостроительном заводе»⁷⁸.

Следует отметить, что Брянский уезд являлся единственным промышленным центром сельскохозяйственной в целом Орловской губернии, и именно здесь заявило о себе в 1905 г. рабочее движение. В течение этого года, отмечалось в историко-краеведческом сборнике, бастовали «почти все имеющиеся в уезде заводы и фабрики [...]. Паника была огромная, правительство напрягало все силы к подавлению возникающих забастовок. Сходки, которые созывались по заводам и на которых присутствовала не одна тысяча рабочих, разгонялись вооруженной силой. Заводские поселки были наводнены казаками и солдатами»⁷⁹.

Не последнюю роль в подъеме рабочего движения сыграла местная социал-демократическая организация. «Членов партии тут было во много раз больше, чем где-либо в других городах губернии, так как на многих заводах уже существовали нелегальные партийные фабрично-заводские комитеты (мальцевский и брянский). [...] Во главе брянской социал-демократической организации стояли: Н. Конюхов, Кубяк, Игнат Фокин, Е.А. Преображенский, Вера Слуцкая и др.»⁸⁰

На период работы в Брянске приходится важная веха в биографии Евгения Преображенского: его впервые удостаивают своим вниманием главные в ту эпоху собиратели материалов по истории русского революционного движения – чины жандармского ведомства. Из первого «дела», в которое попала фамилия Преображенского, выясняется, что в селе Ивота Дятьковской волости Брянского уезда он вел работу социал-демократического кружка. Сведения об этом достигли местного пристава. Тот решил расспросить дочерей священника села Ивота Анну Павловну и Ольгу Павловну Красниковых. Однако юные «поповны» то ли прикинулись непонимающими, чтобы выгородить своих социал-демократических знакомцев, то ли в самом деле мало в чем разбирались. Как бы то ни было, но сведения от них пристав получил самые незначительные. Между тем для нас они весьма любопытны, ибо на ветхих страницах архивного дела встречаются имена старых знакомых: Евгения Преображенского и Николая Золотова, того самого Золотова, в ящике стола отца которого, станового пристава, друзья умудрились год назад устроить склад нелегальной литературы вкупе с мимеографом. Итак, «поповны» объяснили следующее:

«1) что они, Красниковы, знают, по слухам, что в селе Ивота имеется кружок социал-демократов, но кем он организован они не знают и не знают участников его и

2) что у них, Красниковых, гостили студенты Михаил Яковлевич **Феноменов** и Дмитрий Иванович **Азбукин** и 7-го сего августа пришли к ним из Дятькова **Евгений Алексеевич Преображенский** (выделено в документе. – М.Г.) и Николай Михайлович Золотов, которые пред вечером собрались идти в лес и пригласили с собой и их, Красниковых. Когда они пришли к шлагбауму, в 4 верстах от Ивота, то в стороне железной дороги увидели сидевших мастеровых из Стари и Ивота – человек 40, к которым шли Феноменов, Азбукин, Преображенский и Золотов, и вслед за ними и они, Красниковы, и [...] о чем-то стали вести между собою разговоры, но о чем, они, Красниковы, не поняли, и затем этой компанией пелись революционные песни: «Красное знамя», «Отречемся от старого мира», «Дубинушка» и др., но они, Красниковы, в пении участия не принимали...»⁸¹

Не был ли проводивший дознание по этому делу «пристав 2-го стана Брянского уезда» (его фамилия в деле, к сожалению, отсутствует) тем самым Золотовым – «местным становым приставом» Дятьковской фабрики Брянского уезда, – о котором шла речь в автобиографии Преображенского? Не потому ли в тексте протокола из четырех фамилий спутников «поповн» по лесной прогулке – Феноменова, Азбукина, Преображенского и Золотова – не подчеркнута только фамилия Золотова? Своего «заблудшего» сына становой пристав не мог не знать! И не потому ли, в отличие от Феноменова и Азбукина, в тексте протокола подчеркнуты не только фамилия, но имя и отчество Преображенского? Не вспомнил ли пристав прошлогоднего «учителя» своего сына? И не в связи ли с этим дознанием вскрылись лихие прошлогодние проделки Преображенского и Золотова? Вспомним фразу из автобиографии: «Вся эта история раскрылась только год спустя».

Однако до суда над Преображенским дело не дошло. Пока шло дознание (последний протокол помечен 14 октября 1905 г.⁸²), в России, в том числе и в Орловской губернии, развивались бурные события. В октябре 1905 г. вспыхнула всероссийская политическая стачка. В нее включились телеграфисты, стрелочники, конторщики станции Орел,

железнодорожники Брянска, Ельца. Забастовка стала распространяться и на другие отрасли, приобретая всегубернский характер. В Верховье, Брянске, на Орловско-Грязьевской железной дороге формировались стачечные комитеты⁸³.

В эти горячие дни Евгений ненадолго переехал из Брянска в Орел. «В октябре [...] 1905 г. по предложению Олимпия Квиткина был кооптирован в орловский комитет. Орловский комитет был тогда организацией примиренческой. Лидер комитета Пономарев, когда Олимпий Квиткин уехал, смеясь говорил другим членам комитета: «У нас имеется два солидных большевика: Михаил Екатеринославский, 20 лет, и Евгений Преображенский, 19 лет». Несмотря на эти шутки, я держался твердо своей линии и защищал позицию третьего съезда нашей партии [...]. В октябре я участвовал после опубликования знаменитого манифеста в борьбе с погромщиками в Орле, а затем был послан на работу на Брянский завод»⁸⁴.

Преображенский оказался вовлеченным в важнейшие события революционного движения осени 1905 г. Напомним их ход. 17 октября 1905 г. император издал манифест, даровавший политические свободы и обещавший созыв законодательной Думы. Большевики расценили это заявление как обман, рассчитанный на ослабление революции. 18 октября орловско-брянский социал-демократический комитет принял решение усилить подготовку масс к вооруженному восстанию. В этот день в Орле состоялась демонстрация рабочих типографии, ряда заводов, учащихся. С пением «Марсельезы» демонстранты двинулись по Болховской улице. Они направлялись к тюрьме, чтобы освободить политзаключенных. Демонстрации преградила путь большая группа казаков и черносотенцев. Началось побоище (вспомним «Автобиографию»: «Участвовал [...] в борьбе с погромщиками в Орле»). На следующий день в Орле создается боевая дружина во главе с О.А. Квиткиным. 19–20 октября в Брянском уезде на Радице и Бежице (т.е. именно там, где до отъезда в Орел вел работу Преображенский) был организован Совет рабочих депутатов, который явочным порядком просуществовал до конца 1905 г. Совет потребовал от властей удалить войска и передать рабочим охрану общественного порядка⁸⁵.

В эти напряженные дни революционная «карьеря» Евгения Преображенского делает стремительный взлет. В середине ноября 1905 г., по предложению Н.М. Михеева – его товарища по орловской ученической революционной организации, работавшего теперь в Москве, и с согласия московского комитета он переезжает в Москву, где назревают кульминационные события первой русской революции. Е.А. Преображенскому суждено попасть в их эпицентр: его назначают ответственным пропагандистом Пресненского района⁸⁶. Практически никому доселе не известный 19-летний выпускник Орловской гимназии выходит на всероссийскую политическую арену.

* * *

После знакомства с личностью Е.А. Преображенского мы можем перейти теперь к его творчеству.

В настоящем томе публикуются работы Е.А. Преображенского, характеризующие его жизнь и деятельность с момента рождения по 1920 г. Это, прежде всего, архивные документы и материалы за 1907–1920 гг.: письма, записки, тексты выступлений, статьи из периодических изданий «Уральский рабочий», «Уральская правда», «Пролетарий», «Обская жизнь», «Забайкальское обозрение», «Правда», «Еженедельник «Правды», «Коммунист», опубликованные выступления, а также брошюры, книги. Кроме того, в том включены воспоминания Е.А. Преображенского 1920–1930-х гг. о

раннем этапе его биографии. Все эти материалы публикуются либо впервые – архивные документы, либо переиздаются после долгих лет забвения (за исключением автобиографии).

Особую сложность составило выявление статей Преображенского в газетах «Обская жизнь» (г. Новониколаевск, январь – август 1912 г.) и «Забайкальское обозрение» (г. Чита, март 1916 г.). Дело в том, что они публиковались не под обычным его псевдонимом «Леонид» («Л.»), а под именами «М. Леонов» («М.Л.») и «Е. Идучанский». Работы вначале идентифицировались по косвенным признакам, а затем было получено прямое подтверждение их принадлежности перу Е.А. Преображенского. Российский исследователь С.Д. Гарнюк обнаружил в Центральном архиве общественно-политической истории Москвы ранее неизвестную автобиографию Е.А. Преображенского, где тот раскрыл псевдонимы, под которыми публиковался в «Обской жизни» и «Забайкальском обозрении»⁸⁷. В результате проделанной исследовательской работы в научный оборот вводится около 70 ранее неизвестных статей Е.А. Преображенского, посвященных самому широкому кругу вопросов: текущим российским и важнейшим международным политическим событиям, колебаниям хлебных цен и лекциям по литературе и философии профессора Жакова, новинкам тогдашней беллетристики и классикам русской литературы А.С. Пушкину и А.И. Герцену, проблеме самоубийства и перспективам развития человеческой цивилизации. Думается, что и рассыпанные по страницам других периодических изданий статьи Е.А. Преображенского также вряд ли известны исследователям, не говоря уже о широком читателе.

Книга состоит из предисловия и трех частей: часть I. Начало пути: 1886–1917 гг.; часть II. В годы революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг.; часть III. Азбука коммунизма: 1917–1920 гг.

В частях I и II вначале публикуются мемуары Е.А. Преображенского, в которых дается общая характеристика соответствующего этапа его биографии, а затем строго по хронологии выстраиваются работы нашего героя. Причем в части I публикуются все выявленные статьи и письма Е.А. Преображенского, а в части II – все выявленные архивные документы и выступления Е.А. Преображенского на партийных и советских форумах; газетные же статьи издаются не в полном объеме: опущено большинство многочисленных откликов Преображенского на международные события из «Уральского рабочего» за 1918 г.

В части III публикуются первые крупные работы Е.А. Преображенского: «Крестьянская Россия и социализм (К пересмотру нашей аграрной программы)» (1918 г. Брошюра включает статьи, в конце 1917 г. опубликованные в «Правде», а также ряд страниц, специально написанных для настоящего издания); главы из книги «Анархизм и коммунизм» (1918 г. Работа ранее, в том же году, была опубликована в виде очерков в «Уральском рабочем»; второе издание вышло в 1921 г.); совместная с Н.И. Бухариным книга «Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков» (1919 г. Печатается по изданию 1920 г.); «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры» (1920 г. Первая крупная работа Е.А. Преображенского, специально посвященная финансовым вопросам). Не публикуется ряд популярных работ Е.А. Преображенского, которые практически повторяют содержание переиздаваемых книг и брошюр: «О крестьянских коммунах (Разговор коммуниста-большевика с крестьянином)» (М.; Пг., 1918); «Нужна ли хлебная монополия?» (М., 1918); «С кем идти крестьянской бедноте?» (Пг., 1918); «Организация сельского хозяйства» (Издание сельского отдела Елизавет[градского] парткома КП(б)У, 1920); «Трехлетие Октябрьской революции» (М., 1920).

Археографическая подготовка документов проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (1990). Опечатки, грамматические ошибки

оригиналов текста исправлены без оговорок. Ряд уточнений даны в квадратных скобках.

Научно-справочный аппарат включает в себя предисловие, примечания, список сокращений и именной комментарий.

Составитель благодарит за помощь в подготовке настоящего издания заместителя директора ГА РФ В.А. Козлова, директора научной библиотеки ГА РФ Э.Л. Гараненкову, сотрудника ГА РФ А.А. Федюхина, работников РГАСПИ Л.П. Кошелеву, А.С. Массальскую, Л.А. Роговую, Е.П. Караваеву, А.А. Ощепкову, директора Государственной публичной исторической библиотеки России М.Д. Афанасьева, сотрудниц Государственной общественно-политической библиотеки (бывшая библиотека ИМЭЛ) М.Д. Дворкину, И.Б. Цветаеву, и.о. директора Госархива Свердловской области А.Г. Сапожникова. Особые слова признательности редактору тома Ю.Б. Живцову, археографу и составителю именного комментария Н.А. Тесемниковой, заместителю директора ЦНИИПАФ Главархива Москвы М.Ю. Морукову, а также всем сотрудникам Центра, принимавшим участие в работе над книгой. Благодарю за всестороннее содействие моего соавтора С.В. Цакунунова, выявившего ряд вошедших в том интереснейших документов и взявшего на себя оплату всех типографских работ. Настоящее издание было бы невозможным без заинтересованного участия английского журналиста Саймсона Пирани. Составитель особенно признателен профессору Университета Торонто (Канада) Ричарду Б. Дею, по сути инициировавшему данный проект и поддерживавшему составителя и авторский коллектив на всех этапах его осуществления.

М.М. Горинов

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Библиографию основных работ о Е.А. Преображенском см.: *Горинов М.М., Цакунов С.В.* Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2; *Gorinov M.M., Tsakunov S.V.* Life and Works of Evgenii Alekseevich Preobrazhenskii // Slavic Review, vol. 50, number 2, summer 1991.

² *Хеймсон Л.* Меншевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия XXI. 1995. № 5/6. С. 116–129.

³ Там же. С. 123, 125.

⁴ *Сталин И.В.* По поводу смерти Ленина. Речь на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 6. С. 46.

⁵ Формуляр священника Троицкой г. Болхова церкви Алексея Преображенского. 1 июля 1906 г. // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 16–16 об.

⁶ *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 25.

⁷ Текст воспоминаний находится у автора. Цитируется по рукописи, готовящейся к печати издательством Главархива Москвы (далее – *Преображенский Л.Е.* Воспоминания).

⁸ *Преображенский Л.Е.* Воспоминания. С. 1, 8. Впоследствии А.А. Преображенский известен как участник обновленческого движения в Русской Православной церкви. В частности, в 1922 г. представителями «Живой Церкви» при поддержке местных властей он был избран лидером обновленческого руководства Болховской епархии. См.: *Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воду слез...» М., 1998. С. 217.

⁹ Формуляр священника Троицкой г. Болхова церкви Алексея Преображенского // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 16–16 об.

¹⁰ *Преображенский Л.Е.* Воспоминания. С. 1.

¹¹ Преображенский Евгений Алексеевич: Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1929. – Репринтное издание. М., 1989. С. 120 (далее – Автобиография).

¹² *Булгаков С.Н.* Моя Родина. Избранное. Орел, 1996. С. 5, 13.

¹³ Примерное месторасположение дома Преображенских было указано автору во время его посещения г. Болхова в начале 1990-х гг. местным краеведом А.Е. Венедиктовым.

¹⁴ *Булгаков С.Н.* Моя Родина. С. 14.

¹⁵ *Преображенский Л.Е.* Воспоминания. С. 2.

¹⁶ *Булгаков С.Н.* Моя Родина. С. 15–16, 18.

¹⁷ Устав – богослужебно-церковный сборник расписанных по дням указаний о порядке и образе совершения служб, о пище христиан.

¹⁸ *Булгаков С.Н.* Моя Родина. С. 19–20.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Там же.

- ²¹ Автобиография. С. 120.
- ²² Добролюбов-семинарист, например, был «одним из самых набожных людей в Нижнем Новгороде, почитавших за грех напиться чаю с булкой до обедни в праздничный день и усердно крестившихся на кресты церквей во время прогулок»; позднее же он стал ярким атеистом. См.: *Смирнов А.Ф.* Борец за дело народное // *Добролюбов Н.А.* Избранное. М., 1984. С. 10.
- ²³ Автобиография. С. 120.
- ²⁴ Сведения об Орловской гимназии были любезно сообщены автору в начале 1990-х гг. орловским историком Е.И. Чапкевичем.
- ²⁵ Автобиография. С. 120.
- ²⁶ *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. С. 25–26.
- ²⁷ Автобиография. С. 120.
- ²⁸ *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. С. 27–32.
- ²⁹ *Тихомиров Л.А.* Начала и концы. Либералы и террористы // *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. М., 1997. С. 72–75.
- ³⁰ Автобиография. С. 120.
- ³¹ См.: *Кольб Ф.* История человеческой культуры. Т. 1. СПб., 1872. С. XI.
- ³² *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. С. 30.
- ³³ Автобиография. С. 120.
- ³⁴ Формуляр священника Троицкой г. Болхова церкви Алексея Преображенского // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 16–16 об.
- ³⁵ *Преображенский Л.Е.* Воспоминания. С. 1.
- ³⁶ Просидев пять месяцев, Преображенский с товарищами после четырехдневной голодовки был выпущен из тюрьмы под надзор полиции (Автобиография. С. 127).
- ³⁷ *Преображенский Л.Е.* Воспоминания. С. 3–4.
- ³⁸ *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. С. 31, 32.
- ³⁹ *Тоган Заки Валиди.* Воспоминания. М., 1997. С. 238–239.
- ⁴⁰ Автобиография. С. 123.
- ⁴¹ *Булгаков С.Н.* Моя Родина. С. 92.
- ⁴² «Это явилось совершенно естественным, – вспоминал С.Н. Булгаков, – что с утратой религиозной веры идея священной царской власти с особым почитанием помазанника Божия для меня испарилась и, хуже того, получила отвратительный, невыносимый привкус казенщины, лицемерия, раболепства. Я возненавидел ее, в единомыслии со всею русскою революцией, и постольку разделяю с нею и весь грех ее перед Россией» (*Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. С. 28).
- ⁴³ «Настоящая причина бессилия наших политических программ состоит в том, что они слишком теоретичны, слишком мало национальны, слишком мало сообразованы с условиями нашей страны. Не окрепшая культура нашего отечества еще не имела времени накопить достаточное количество политических и социальных наблюдений, почерпнутых из жизни самой страны. Человек нашей интеллигенции формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он таким образом создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все очень стройно, кроме основания – совершенно слабого. Благодаря мирозерцанию такого происхождения у нас люди становятся способны упорно требовать «осуществления неосуществимого или даже не имеющего серьезного значения, а в то же время оставлять в пренебрежении условия капитальной важности»» (*Тихомиров Л.А.* Почему я перестал быть революционером. М., 1895. С. 10–11). Некритическое отношение к очередному «последнему слову» западной социологии, в свою очередь, являлось результатом «расправославливания»: образовавшийся мировоззренческий вакуум вкупе с отчуждением от исторической России поневоле обращал ищущие русские умы к работам зарубежных мыслителей.
- ⁴⁴ Автобиография. С. 121.
- ⁴⁵ *Добролюбов Н.А.* Письмо из провинции // *Добролюбов Н.А.* Избранное. С. 284, 288.

⁴⁶ Автобиография. С. 121.

⁴⁷ См.: *Кураев А.*, диакон. Нетерпимость как право на мысль // *Кураев А.*, диакон. Вызов экуменизма. М., 1997. С. 80.

⁴⁸ Автобиография. С. 121.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Герцен А.И.* Былое и думы. М., 1962. Ч. 1–5. С. 87. Ср. также у Веры Фигнер: «В один из поэтических швейцарских вечеров во время уединенной прогулки среди виноградников сестра в выражениях, в высшей степени трогательных, поставила мне вопросы: решилась ли я отдать все свои силы на революционное дело? В состоянии ли я буду в случае нужды порвать всякие отношения с мужем, [который был настроен достаточно консервативно]? Брошу ли я для этого дела науку, откажусь ли я от карьеры? Я отвечала с энтузиазмом. После этого мне было сообщено, что организовано тайное революционное общество, которое думает действовать в России; мне были прочтены устав и программа этого общества, и, после того как я выразила согласие со всеми пунктами, я была объявлена его членом. Мне был тогда 21-й год» (*Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 124.). Автор благодарен А.С. Покровскому за подсказанную идею использовать мемуары В.Н. Фигнер для реконструкции побудительных мотивов выбора Е.А. Преображенским революционной судьбы.

⁵¹ Автобиография. С. 121–122.

⁵² Там же. С. 122.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 122–123.

⁵⁵ *Виноградов (Ягодин) Ф.* Борьба за коллектив в Александровской пересылке в 1910 году // Иркутская ссылка: Сборник иркутского землячества. М., 1934. С. 32.

⁵⁶ Уральский рабочий. 1918. 13 августа.

⁵⁷ *Преображенский Е.А.* О морали и классовых нормах. М.; Пг., 1923.

⁵⁸ О проблеме революционного аморализма см.: *Тихомиров Л.А.* Почему я перестал быть революционером. С. 108–113.

⁵⁹ *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1990. С. 99.

⁶⁰ Автобиография. С. 123. Вероятно, не последнюю роль в колебаниях Преображенского между народничеством и марксизмом сыграл столь ценный им в юности Ф. Кольб, придерживавшийся воззрений на «факторы прогресса», близких к народническим.

⁶¹ См., напр.: *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 31.

⁶² *Зандер Л.* Отец Сергей Булгаков (краткий очерк его жизни и творчества) // *Булгаков С.*, протоиерей. Православие. Очерки учения Православной церкви. Изд. 3. Paris, 1989. С. 6.

⁶³ *Кржижановский Г.М.* О Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. Т. 2. М., 1984. С. 11–12.

⁶⁴ Автобиография. С. 123–124.

⁶⁵ Там же. С. 124–125.

⁶⁶ Мальцевские (правильнее – Мальцовские) заводы – группа машиностроительных, чугунолитейных, стекольных и цементных заводов (крупнейшие: Людиновский чугунолитейный, сталеплавильный, машиностроительный; Дятьковский хрустальный; Ивотский, Чернотинский, Бытошевский стекольные и др.), расположенных около г. Брянска (Мальцовский заводской округ).

⁶⁷ Автобиография. С. 125–126.

⁶⁸ Структура, созданная для руководства «техническими» функциями социал-демократической партии: транспортировкой из-за рубежа партийной литературы, ее доставкой на места, производством паспортных операций, развертыванием нелегальных типографий; с осени 1903 г. местом ее пребывания был Орел.

⁶⁹ *Голубков А.* О 1905 годе (Отрывки из воспоминаний) // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1931. Кн. 7 (80). С. 9.

- ⁷⁰ Автобиография. С. 126.
- ⁷¹ ГА ОО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 606. Л. 18.
- ⁷² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 22 об.
- ⁷³ ГА ОО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 618. Л. 3, 6–6 об., 7.
- ⁷⁴ Там же. Д. 627. Л. 13.
- ⁷⁵ Там же. Л. 15, 17, 20, 21, 22 об., 24, 25, 29, 30, 33, 37, 41 об., 42–42 об., 45–45 об., 47, 48.
- ⁷⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 21.
- ⁷⁷ ГА ОО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 618. Л. 3.
- ⁷⁸ Автобиография. С. 126.
- ⁷⁹ 1905 год в Орловском крае. Орел, 1926. С. 80.
- ⁸⁰ Там же. С. 101.
- ⁸¹ ГА ОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 210. Л. 510.
- ⁸² Там же. Л. 519.
- ⁸³ Очерки истории Орловской организации КПСС. Тула, 1987. С. 33.
- ⁸⁴ Автобиография. С. 126.
- ⁸⁵ Очерки истории Орловской организации КПСС. С. 33; 1905 год в Орловском крае. С. 101.
- ⁸⁶ Автобиография. С. 126.
- ⁸⁷ ЦАОПИМ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 11. Кор. 2. Л. 52–52 об.